

СТИВЕН ВИНСЕНТ
БЕНЕ

ДЬЯВОЛ
— и —
ДЭНЦЕЛ
УЭБСТЕР

Вселенная Стивена Кинга

Стивен Бене

Дьявол и Дэниэл Уэбстер

«Издательство АСТ»

1932–1938

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бене С. В.

Дьявол и Дэниэл Уэбстер / С. В. Бене — «Издательство АСТ»,
1932–1938 — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-160016-7

«Дьявол и Дэниэл Уэбстер» – один из самых известных рассказов Бене. Еще при жизни автора он был экранизирован и удостоен премии «Оскар». Главный герой рассказа, известный оратор, адвокат и государственный деятель Дэниэл Уэбстер, схватится в схватке с самим дьяволом за душу простого фермера, обменявшего ее на семь урожайных лет. На страницах других рассказов читатель познакомится с не менее яркими персонажами: родившимся на тридцать лет раньше Наполеоном; юным дикарем, пришедшим на руины уничтоженного ядерной войной мегаполиса; одержимым работой врачом, который после смерти не может найти применение своим талантам в раю и организует службу медицинской помощи попавшим в ад...

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-160016-7

© Бене С. В., 1932–1938

© Издательство АСТ, 1932–1938

Содержание

Из цикла «Рассказы об американской истории»	6
Дьявол и Дэниел Уэбстер[1]	6
Дэниел Уэбстер и морская змея[2]	15
Якоб и индейцы[7]	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Стивен Винсент Бене
Дьявол и Дэниел Уэбстер

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Из цикла «Рассказы об американской истории»

Дьявол и Дэниел Уэбстер¹

Вот какую историю рассказывают в пограничном краю, где Массачусетс сходится с Вермонтом и Нью-Гэмпширом.

Да, Дэниел Уэбстер умер – во всяком случае, его похоронили. Но когда над Топким лугом гроза, слышно, говорят, как раскатывается по небесам его голос. И говорят, если подойти к его могиле да позвать его громко и ясно: «Дэниел Уэбстер! Дэниел Уэбстер!» – задрожит земля и деревья затрясутся. И немного погода услышишь басовитый голос: «Сосед, как там Союз стоит?» И уж тогда отвечай: «Крепко стоит Союз, стоит как скала в броне, единый и неделимый», а не то он прямо из земли выскочит. Так мне, по крайней мере, в детстве рассказывали.

И не было когда-то в стране человека больше его. В президенты он так и не вышел, но больше его человека не было. Многие надеялись на него почти как на Господа Бога, и ходили про него и про все, что его касалось, истории в таком же роде, как про патриархов и тому подобных. Будто бы, когда он речь начинал говорить, на небе проступали звезды и полосы; а раз он с рекой заспорил и заставил ее в землю уйти. Говорят, когда он лес обходил с удилицем своим, Самобоем, форель из ручьев прямо в карманы к нему прыгала – знала, что от него не увильнешь. А в суде он так говорил, что на небе ангелы подпевать начинали, а глубь земная ходила ходуном. Вот какой это был человек, и большая ферма его на Топком лугу была ему под стать. Куры у него росли – сплошь из белого мяса, до кончиков когтей, за коровами ухаживали, как за детьми, а у барана его, Голиафа, рога завивались как вьюн и прошибали железную дверь. Но Дэниел был не из фермеров-белоручек, он знал, чем земля живет; вставал он затемно и сам успевал присмотреть за всеми работами. Рот – что у твоего волкодава, лоб – гора, глаза – что уголья в топке, – вот каков был Дэниел в лучшие годы. А самое большое его дело в книги не попало, потому что тягался он с самим дьяволом – один на один, и не на живот, а на смерть. И вот как, рассказывают, это вышло.

Жил в Крестах, в Нью-Гэмпшире, человек по имени Йавис Стоун. Человек, надо сказать, неплохой, но незадачливый. Посадит он картошку – жучок сжует, посеет кукурузу – червь сглохнет. Земля у него была добрая, да только не впрок ему; и жена была славная, и дети, да только что ни больше ртов у него в доме – еды все меньше делается. У соседа на поле камень вылезет, у него валун вымахает. Купит он лошадь со шпатом – сменяет на лошадь с колером, да еще приплатит. Бывают же на свете такие люди. Но однажды все это Йавису опостылело.

В то утро он пахал и вдруг сломал лемех о камень – а вчера еще, поклясться мог, камня тут не было. Вот стоит он, смотрит на лемех, а правая лошадь закашлялась – тягучим таким кашлем, так что жди болезни и деньги готовь коновалам. А у двух ребят корь, жена прихварывает, и у самого нарыв на большом пальце. Нет больше сил терпеть. «Ей-ей, – говорит Йавис Стоун и глядит вокруг прямо-таки с отчаянием, – ей-ей, хоть душу черту продай! И продал бы, за два гроша продал бы!»

Сказал он этак, и стало ему не по себе, но, конечно, слов своих назад не взял, потому что ньюгэмпширец. А все же, когда солнце село и видит он, что слова его не услышаны, от души у него отлегло – потому что все-таки верующий. Только все бывает услышано, раньше или позже, и об этом в Писании сказано. И точно, на другой день примерно к ужину подъезжает в красивой коляске незнакомец в черном и вежливо спрашивает Йависа Стоуна.

¹ © Перевод. В. Гольшев, 2023.

А Йавис сказал своим, что это адвокат, приехал, мол, насчет наследства. Но сам он знал, кто это такой. Не понравился ему гость, особенно как он зубы скалил, когда улыбался. Зубы белые, полон рот, и заточены, говорят, как иголки, но в этом я не поручусь. А еще ему не понравилось, что собака посмотрела на гостя, завyla и бросилась наутек, поджав хвост. Но, давши слово – хоть и не совсем, – Йавис не отступился, и пошли они с приезжим за сарай и заключили сделку. Йавису пришлось уколоть палец, чтобы расписаться, и незнакомец одолжил ему серебряную булавку. Ранка зажила быстро, но остался маленький белый шрам.

После этого дела у Йависа сразу пошли на лад, начал он богатеть. Коровы стали тучные, лошади гладкие, урожаи – соседям на зависть; молнии, бывало, по всей долине секут, а его сарай стороной обходят. Скоро стал он в округе одним из самых зажиточных людей. Предложили ему в окружную управу войти, и он вошел; поговаривать стали, что пора его выдвинуть в сенат штата. Словом, зажила его семья счастливо, можно сказать, как сыр в масле катаются. Кроме Йависа.

Первые годы и он не тужил. Это большое дело – когда человеку начинает везти, тут и голову потерять недолго. Конечно, случалось, особенно в ненастье, нет-нет да и занозит белый шрамик. И раз в год, как часы, проезжал мимо в красивой коляске незнакомец. Но на шестой год он слез с коляски, и с этого дня Йавис Стоун лишился покоя.

Идет незнакомец нижним лугом, по сапогам тросточкой похлопывает – черные сапоги, красивые, но Йавису они еще в первый раз не понравились, особенно мыски. Поприветствовал его гость и говорит:

– Ну вы и молодчина, мистер Стоун. Знатное у вас, мистер Стоун, имение.

– Кому нравится, кому нет, – отвечал мистер Стоун, потому что он был ньюгэмпширец.

– Ну зачем же умять свое трудолюбие? – сказал незнакомец легкомысленным тоном, улыбаясь во весь свой зубастый рот. – Мы же знаем, в конце концов, как вам это далось, – ведь все поставлено согласно договору и спецификации. Так что в будущем году, когда срок... кхм... закладной истечет, жалеть вам будет не о чем.

– Вот насчет закладной, сударь, – промолвил Стоун и огляделся вокруг, ища подмоги у земли и неба, – у меня насчет нее появляются кое-какие сомнения.

– Сомнения? – говорит незнакомец, уже без прежней приятности.

– Ну да, – сказал Йавис Стоун. – Тут все-таки США, а я как-никак человек верующий. – Он прокашлялся и заговорил смелее. – Да, сударь, – сказал он, – я начинаю сомневаться, что такая закладная будет признана судом.

– Есть суды и суды, – отвечал незнакомец, лязгнув зубами. – Впрочем, мы можем еще раз взглянуть на документ. – И вытащил большой черный бумажник, полный каких-то листков. – Симпсон... Слейтер... Стивенс... Стоун, – бубнил он. – Ага! «Я, Йавис Стоун, на семилетний срок...» Кажется, все в порядке.

Но Йавис Стоун не слушал, потому что он увидел, как из бумажника выпорхнуло что-то другое. Мотылек словно бы, да не мотылек. Смотрит на него Стоун и чудится ему, будто он говорит тихим писклявым голосом, тонким ужасно, тихим ужасно – и ужасно по-человечьи: «Сосед Стоун! Сосед Стоун! Помоги мне, помоги ради бога!»

Но не успел Йавис и глазом моргнуть, как гость сорвал с шеи большой яркий платок, поймал в него это существо – прямо как бабочку – и начал связывать углы платка.

– Извините, что отвлекся, – сказал он. – Так вот, говорю...

А Йавис Стоун весь задрожал, как напуганная лошадь.

– Это голос Скряги Стивенса! – прохрипел он. – А вы его в платок!

Гость немного смутился.

– Да, правда, надо бы его в коробку поместить, – сказал он с ненатуральной ухмылкой, – но у меня там довольно редкие экземпляры, не хочется их стеснять. Что ж, случаются такие маленькие ляпсусы.

– Не знаю, что у вас там за ляпсусы, – отвечал Йавис Стоун, – только это голос Скряги Стивенса. А сам-то он живехонек! Ведь не скажете вы, что нет! Во вторник его видел – бодрый и прижимистый, как сурок!

– Во цвете лет... – промолвил приезжий, скорчивши постную мину. – Слышите? – В долине зазвонил колокол; Йавис Стоун слушал, и по лицу его катился пот. Он понял, что колокол звонит по Скряге Стивенсу и что Стивенс умер.

– Ох уж эти долгосрочные счета, – заметил незнакомец со вздохом, – до чего неприятно их закрывать. Однако дело есть дело.

Он все еще держал платок, и тошно было Йавису видеть, как он бьется и трепыхается в руке.

– Они все такие маленькие? – спросил он сипло.

– Маленькие? – повторил приезжий. – А-а, понимаю. Да нет, разные бывают. – Он измерил Йависа взглядом и ослабил. – Не беспокойтесь, господин Стоун, вы пойдете по первому классу. Я бы не рискнул держать вас не в коробке. Конечно, для такого человека, как Дэниэл Уэбстер... для него нам пришлось бы построить специальный ящик – и даже тогда, полагаю, вас изумил бы размах крыла. Да, это была бы находка. Лестно было бы подобрать к нему ключик. Но в вашем случае, как я уже сказал...

– Уберите вы платок! – сказал Йавис Стоун и начал молить и клянчить. Но в конце концов выпросить ему удалось всего лишь трехлетнюю отсрочку – и то условно.

Если вам не приходилось вступать в такую сделку, вы не представляете себе, как быстро могут пролететь четыре года. К концу их Йависа Стоуна знает весь штат, поговаривают, не выдвинуть ли его в губернаторы, а ему это все не в радость. Потому что каждое утро он встает и думает: «Вот еще одна ночь прошла», а вечером, как спать ложиться, вспоминает черный бумажник с душой Скряги Стивенса – и до того ему тошно делается... Наконец стало ему совсем невмогуту, и вот в последние дни последнего года запрягает он лошадь и едет искать Дэниела Уэбстера. Потому что Дэниэл родился в Нью-Гэмпшире, как раз в нескольких милях от Крестов, и все знают, что к землякам у него особенная слабость.

На Топкий луг Йавис приехал спозаранок, но Дэниэл уже на ногах – толкует по-латыни со своими работниками, с бараном Голиафом борется, нового рысака испытывает и отрабатывает речи против Джона К. Кэлхуна. Но когда услышал, что к нему пожаловал ньюгэмпширец, бросил все дела – такой уж был у него обычай. Угостил он Йависа завтраком, с каким пятеро не справились бы, разобрал по косточкам каждого мужчину и женщину из Крестов и наконец спрашивает гостя, чем может ему служить.

Тот отвечает, что дело вроде как о закладной.

– Давно я не брал дел по закладным, – говорит Дэниэл, – да и не беру обычно, разве что в Верховном суде; но вам, если удастся, помогу.

– Тогда у меня в первый раз за десять лет появилась надежда, – говорит Йавис Стоун и излагает подробности.

Пока он рассказывал, Дэниэл ходил по комнате – руки за спиной, то вопрос задаст, то пол глазами сверлит, словно буравами. Когда Йавис кончил, Дэниэл надул щеки и выдохнул воздух. Потом повернулся к Йавису, и на лице его, как заря над Монадноком, занялась улыбка.

– Да, сосед Стоун, попросили вы у дьявола рогожу... – сказал он. – Но я возьмусь вас защищать.

– Возьметесь? – переспросил Йавис, еще не смея верить.

– Да, – сказал Дэниэл Уэбстер. – Мне еще примерно семьдесят пять дел надо сделать и Миссурийский компромисс подправить, но я возьмусь. Ибо если двое ньюгэмпширцев не смогут потягаться с дьяволом, тогда нам лучше вернуть эту страну индейцам.

Потом он крепко пожал Стоуну руку и спросил:

– Вы спешили, когда ехали сюда?

– Да, признаюсь, не задерживался, – ответил Йавис Стоун.

– Обратно поедете еще быстрее, – сказал Дэниел Уэбстер и велел запрягать Конституцию и Кульминацию. Они были одной масти, серые, с белой передней ногой, и летели как пара подкованных молний.

Ну не буду описывать, как взволновалась и обрадовалась вся семья Стоуна, увидя, что к ним пожаловал сам Дэниел Уэбстер. У Йависа Стоуна по дороге сдуло шляпу, когда они обогнали ветер, но он на это почти не обратил внимания. А после ужина он велел своим идти спать, потому что у него сугубо важное дело к мистеру Уэбстеру. Хозяйка хотела, чтобы они перешли в залу, но Дэниел Уэбстер знал эти залы и сказал, что в кухне лучше. Там они и сели ждать гостя: между ними на столе кувшин, в очаге огонь жаркий, а гость, согласно спецификации, должен прибыть, когда пробьет полночь.

Казалось бы, Дэниел Уэбстер и кувшин – лучшей компании нельзя и придумать. Но тикают часы, и Йавис Стоун смотрит все печальнее и печальнее. Глаза его блуждают, и хоть прикладывается он к кувшину – видно, что вкуса не чувствует. И вот, как пробило половину двенадцатого, наклонился он и схватил Дэниела за руку.

– Мистер Уэбстер, мистер Уэбстер! – говорит он, и голос его дрожит от страха и отчаянной отваги. – Ради бога, мистер Уэбстер, запрягайте коней и езжайте отсюда, пока не поздно!

– Вы везли меня в такую даль, сосед, чтобы сказать мне, что вам неприятно мое общество, – спокойно отвечает Дэниел Уэбстер и потягивает себе из кувшина.

– Жалкий я горемыка! – застонал Йавис Стоун. – Я вас заставил связаться с дьяволом и теперь сам вижу свое безрассудство. Пусть берет меня, если хочет. Я не очень этого домогаюсь, надо сказать, но я потерплю. А вы – опора Союза и гордость Нью-Гэмпшира. Вы не должны ему достаться, мистер Уэбстер! Вы не должны ему достаться!

Дэниел посмотрел на огорченного человека, который побелел и весь дрожал возле очага, и положил ему на плечо руку.

– Весьма признателен вам, сосед Стоун, – сказал он мягко, – за вашу заботу. Но на столе у нас кувшин, а на руках – дело. А я ни разу в жизни не бросал того и другого на половине.

И как раз в эту секунду громко постучали в дверь.

– Ага, – хладнокровно заметил Дэниел Уэбстер, – я так и подумал, что часы у вас немного отстают, сосед Стоун. – Он шагнул к двери и распахнул ее. – Входите! – сказал он.

Вошел гость – очень темным и высоким показался он при свете очага. Под мышкой он нес коробку – черную лаковую коробку с маленькими отдушинами в крышке. При виде коробки Йавис Стоун тихо закричал и забился в угол.

– Господин Уэбстер, если не ошибаюсь, – промолвил гость очень вежливо, но глаза у него загорелись, как у лисицы в чаше.

– Адвокат Йависа Стоуна, – сказал Дэниел Уэбстер, но глаза его тоже загорелись. – Могу ли я узнать ваше имя?

– У меня их изрядно много, – беззаботно отвечал гость. – На сегодняшний вечер, пожалуй, довольно будет Облома. Меня часто так величают в здешних краях.

С этими словами он уселся за стол и налил себе из кувшина. Водка в кувшине была холодная, но задымилась, когда потекла в стакан.

– А теперь, – сказал гость, улыбаясь и показывая зубы, – я приглашаю вас как законопослушного гражданина помочь мне вступить во владение моим имуществом.

И тут начался спор, горячий и упорный. Сперва у Йависа Стоуна еще теплилась надежда, но когда он увидел, что Дэниела Уэбстера теснят в одном пункте за другим, он только съелся в углу, не сводя глаз с лаковой коробки. Потому что ни вексель, ни подпись не вызывали сомнений – это было хуже всего, Дэниел Уэбстер вертел и так и сяк и стучал кулаком по столу – но уйти от этого не мог. Он предложил мировую; незнакомец и слышать о ней не хотел. Тогда он заявил, что имущество повысилось в цене и сенаторы штата должны стоять больше; гость

же настаивал на букве закона. Он был великий юрист, Дэниел Уэбстер, но мы знаем, кто Царь юристов, как сказано в Писании, и похоже было, что Дэниел впервые встретил себе ровню.

Наконец гость слегка зевнул.

– Ваше усердие в защите клиента делает вам честь, мистер Уэбстер, – сказал он, – но если вы не изволите привести других доводов, у меня туговато со временем...

И Йавис Стоун задрожал.

Дэниел Уэбстер нахмурился, как грозовая туча.

– Туговато или не туговато, а этого человека вам не видать! – загремел он. – Мистер Стоун американский гражданин, а ни один американский подданный не может быть призван на службу иностранному князю. Мы сражались за это с Англией в двенадцатом году и будем сражаться за это вновь со всеми силами ада!

– Иностранному? – повторил гость. – Интересно, кто это назовет меня иностранцем?

– Я что-то не слышал, чтобы дья... чтобы вы претендовали на американское гражданство, – с удивлением сказал Дэниел Уэбстер.

– А кто мог бы с большим правом? – осведомился гость с ужасной своей улыбкой. – Когда впервые притеснили первого индейца – я был там. Когда первое невольничье судно отплыло на Конго, я стоял на палубе. Разве нет меня в ваших книжках, рассказах и верованиях со времен самых первых поселенцев? Разве не поминают меня и сегодня в каждой церкви Новой Англии? Правда, на Севере меня почитают южанином, а на Юге – северянином, но я ни то ни другое. Я просто честный американец, как вы, и наилучших кровей, ибо, сказать по правде – хоть я и не люблю этим хвастать, – мое имя в этой стране древнее вашего.

– Ага! – сказал Дэниел Уэбстер, и на лбу его налились жилы. – Тогда я настаиваю на Конституции! Я требую суда для моего клиента!

– Дело это вряд ли обычного суда, – заметил гость, мерцая глазами. – Да и в такой поздний час...

– Пусть это будет любой суд по вашему выбору, лишь бы судья был американец и присяжные американцы! – гордясь, промолвил Дэниел Уэбстер. – Живые или мертвые, я подчинюсь решению!

– Ну и чудесно, – ответил гость, направивши палец на дверь. И вдруг за нею послышались шум ветра и топот ног. Отчетливо и внятно доносился он из мрака. Но не похож был на шаги живых людей.

– Боже мой, кто это так поздно? – вскричал Йавис Стоун, дрожа от страха.

– Суд присяжных, которого требует мистер Уэбстер, – отвечал незнакомец, отхлебнув из дымящегося стакана. – Извините, если кое-кто из них явится в неприглядном виде, – дорога у них неблизкая.

При этих словах в очаге вспыхнуло синим, дверь распахнулась, и друг за другом вошли двенадцать человек.

Если прежде Йавис Стоун боялся до полусмерти, то теперь он стал ни жив ни мертв. Ибо явились сюда Уолтер Батлер, лоялист, предавший огню и мечу долину Могавка во время Революции, и перебежчик Саймон Герти, который любовался тем, как белых людей сжигают заживо, и при этом гикал вместе с индейцами. Глаза у него были зеленые, как у пумы, и пятна на его охотничьей рубашке оставила не оленья кровь. Был тут и «Король Филип», гордый и буйный, как при жизни, с зияющей раной в черепе, которая положила конец его жизни, и жестокий губернатор Дейл, ломавший людей на колесе. Был тут и Мортон с Веселой горы, с румяным, порочным, красивым лицом, так возмущивший Плимутскую колонию своей ненавистью к благочестию. Был тут Тич, кровожадный пират с черной бородой, спускавшийся кольцами на грудь. Его преподобие Джон Смит, в черной мантии, с руками душителя, шел так же грациозно, как в свое время на эшафот. На горле его до сих пор краснел след от веревки, но в руке он держал надушенный платок. Так входили они один за другим, все еще в клочьях адского

пламени, и гость называл их и описывал их дела, пока не закончил историю всей дюжины. Но он сказал правду – каждый из них сыграл свою роль в Америке.

– Вы удовлетворены составом суда, мистер Уэбстер? – насмешливо спросил гость, когда они расселись по местам.

На лбу у Дэниела выступил пот, но голос был внятн.

– Вполне удовлетворен. Хотя, на мой взгляд, в компании недостает генерала Арнолда.

– Бенедикт Арнолд занят другим делом, – ответил гость, глянув мрачно. – Ах, вам, кажется, нужен судья?

Он снова указал на дверь, в комнату вступил высокий человек с горящим взглядом изувера, в строгом протестантском платье и занял судейское место.

– Судья Хаторн – опытный юрист, – объявил гость. – Он председательствовал на некоторых ведьмовских процессах в Салеме. Были такие, кто потом раскаялся, – только не он.

– Раскаяться в столь славных и возвышенных мерах? – проговорил суровый старый судья. – Нет, на виселицу их – всех на виселицу! – И он забормотал что-то себе под нос, да так, что у Йависа кровь застыла в жилах.

Потом начался суд, и, как вы сами догадываетесь, ничего хорошего он защите не сулил. И Йавис Стоун некоторое сумел показать в свою пользу. Он взглянул раз на Саймона Герти и заверещал, и его, чуть ли не в беспамятстве, отвели обратно в угол.

Однако суд это не остановило, на то он и суд, чтобы не останавливаться. Дэниэл Уэбстер повидал на своем веку и суровых присяжных, и судей-вешателей, но таких ему видеть не доводилось, и он это понимал. Они сидели, поблескивая глазами, а плавная речь гостя лилась и лилась. Всякий раз, когда он заявлял протест, слышалось: «Протест принят», но когда протестовал Дэниэл, ответом было: «Протест отклонен». Да и можно ли ожидать честной игры от такого, как говорится, лукавого господина?

В конце концов это рассердило Дэниела, и он начал накаляться, как железо в горне. Когда ему дали слово, он готов был наброситься на гостя со всеми приемами, известными юристам, – и на судью с присяжными тоже. Ему уже было все равно, сочтут это неуважением к суду или нет и что станет с ним самим. Ему уже было все равно, что станет с Йависом Стоуном. И думая о том, что он скажет, он свирепел все больше и больше. Но как ни странно, чем больше он думал, тем хуже выстраивалась в голове речь.

И вот наконец пришла пора ему встать, и он встал, готовясь разразиться всяческими громами и обличениями. Но прежде чем начать, он обвел взглядом присяжных и судью – такой у него был обычай. И он заметил, что блеск в их глазах сделался вдвое ярче и все они наклонились вперед. Как гончие, окружившие лисицу, глядели они на него, и синяя муть зла в комнате становилась все гуще и гуще. И он понял, что он собирался натворить, и отер лоб, как человек, чудом не оступившийся ночью в пропасть.

Ибо явились они за ним, не только за Йависом Стоуном. Он угадал это по блеску в их глазах и по тому, как гость прикрывал рот ладонью. И, если он станет драться с ними их оружием, он окажется в их власти; он знал это, но откуда – он сам не мог бы сказать. Это его ужас и его гнев светятся в их глазах, и он должен погасить их, иначе пиши пропало. Он постоял минуту, и его черные глаза горели, как антрацит. Потом он заговорил.

Он начал тихим голосом, но каждое слово было слышно. Рассказывают, когда он хотел, он мог заставить ангелов подпевать себе. А тут начал спокойно и просто, так, что проще и нельзя. Нет, он не стал браниться и обличать. Он говорил о том, что делает страну страной и человека человеком.

И начал он с простых вещей, известных и близких каждому, – с того, как свежо ясное утро, когда ты молод, как вкусна еда, когда ты голоден, как нов тебе каждый новый день в детстве. Он взялся за них и поворачивал и так, и эдак. А они милы каждому человеку. Только без свободы горчат. И когда он заговорил о поработанных, о горестях рабства, голос его загудел

как колокол. Он говорил о ранней поре Америки и о людях, которые строили ее в ту пору. Он не разглагольствовал, как записной патриот, но все становилось понятно. Он признал все несправедливости, творившиеся в стране. Но показал, как из несправедного и праведного, из бед и лишений возникало что-то новое. И каждый внес свою долю, даже предатели.

Потом он перешел на Йависа Стоуна и изобразил его таким, каким он был на самом деле, – обыкновенным человеком, невезучим, которому хотелось избавиться от невезения. И за то, что он хотел этого, он должен теперь нести вечную кару. А ведь в нем есть и доброе, и Дэниел показал это доброе. Кое в чем Йавис Стоун черств и низок, но он человек. Быть человеком – печальная участь, но и достойная. И Дэниел показал, в чем это достоинство, так что им проникся бы каждый. Да, даже в аду человек остается человеком, это очень понятно. Он уже защищал не одного какого-то человека, хотя его голос гудел как орган. То была повесть о неудачах и бесконечном странствии человеческого рода. Его надувают, сбивают с пути, заманивают в ловушки, но все равно это великое странствие. И ни одному демону на земле или под землей не понять его сути – для этого нужно быть человеком.

Огонь угасал в очаге, повеял предутренний ветер. В комнате уже серело, когда Дэниел Уэбстер закончил речь. Под конец он снова вернулся к Нью-Гэмпширу и к тому любимому и единственному клочку земли, который есть у каждого человека. Он рисовал его и каждому из присяжных говорил о вещах, давно забытых. Ибо слова его западали в душу – в этом были его сила и его дар. И для одного голос его звучал затаенно, как лес, а для другого – как море и морские бури; и один слышал в нем крик погибшего народа, а другой видел мирную сценку, которую не вспоминал годами. Но каждый увидел что-то свое. И когда Дэниел Уэбстер кончил, он не знал, спас он Йависа Стоуна или нет. Но он знал, что сделал чудо. Ибо блеск в глазах присяжных и судьи потух, и сейчас они снова были людьми и знали, что они люди.

– Защита ничего не имеет добавить, – сказал Дэниел Уэбстер, возвышаясь как гора. Собственная речь еще гудела у него в ушах, и он ничего не слышал, пока судья Хаторн не произнес: «Присяжные приступают к обсуждению приговора».

Со своего места поднялся Уолтер Батлер, и на лице его была сумрачная веселая гордость.

– Присяжные обсудили приговор, – сказал он, глядя гостю прямо в глаза. – Мы выносим решение в пользу ответчика, Йависа Стоуна.

При этих словах улыбка сошла с лица гостя – но Уолтер Батлер не дрогнул.

– Быть может, оно и не находится в строгом согласии с доказательствами, – добавил он, – но даже навеки проклятые смеют отдать должное красноречию мистера Уэбстера.

Тут протяжный крик петуха расколол серое утреннее небо, и судья с присяжными исчезли бесследно, как дым, как будто их никогда и не было. Гость обернулся к Дэниелу с кривой усмешкой.

– Майор Батлер всегда был смелым человеком, но такой смелости я от него не ожидал. Тем не менее, как джентльмен джентльмена, поздравляю.

– Прежде всего позвольте-ка забрать эту бумажку, – сказал Дэниел Уэбстер и, взяв ее, разорвал крест-накрест. На ощупь она оказалась удивительно теплой. – А теперь, – продолжал он, – я заберу вас! – И его рука, как медвежий капкан, защемила руку гостя. Ибо он знал, что, если одолеешь в честной борьбе такого, как господин Облом, он уже не имеет над тобой власти. И он видел, что господин Облом сам это знает.

Гость извивался и дергался, но вырваться не мог.

– Полно, полно, мистер Уэбстер, – проговорил он с бледной улыбкой. – Это же, наконец, сме... ой!.. смешно. Разумеется, вас волнуют судебные издержки, и я с радостью заплачу...

– Еще бы не заплатишь! – сказал Дэниел Уэбстер и так встряхнул его, что у него застучали зубы. – Сейчас ты сядешь за стол и напишешь обязательство никогда больше – до самого Судного дня! – не докучать Йавису Стоуну, его наследникам, правопреемникам, а также всем

остальным ньюгэмпширцам. Потому что если мы возымеем охоту побесноваться в этом штате, то как-нибудь обойдемся без посторонней помощи.

– Ой! – сказал незнакомец. – Ой! Ну по части хмельного, положим, они никогда не отличались, но – ой! – я согласен.

Он сел за стол и стал писать обязательство. Но Дэниэл Уэбстер все-таки придерживал его за шиворот.

– А теперь мне можно идти? – робко спросил гость, когда Дэниэл удостоверился, что документ составлен по всей форме.

– Идти? – переспросил Дэниэл, встряхнув его еще разок. – Я пока не решил, как с тобой поступить. За судебные издержки ты рассчитался, но со мной еще нет. Пожалуй, заберу тебя на Топкий луг, – сказал он как бы задумчиво. – Есть у меня там баран Голиаф, который прошибает железную дверь. Охота мне пустить тебя к нему на поле и поглядеть, что он станет делать.

Тут гость начал умолять и клянчить. Он умолял и клянчил так униженно, что Дэниэл, по природе человек добродушный, в конце концов решил его отпустить. Гость был ужасно благодарен за это и перед уходом предложил – просто из дружеского расположения – погадать Дэниэлу. И Дэниэл согласился, хотя вообще не очень уважал гадалок. Но этот, понятно, был птица немного другого полета.

И вот стал он разглядывать линии на руках Дэниела. И рассказал ему кое-что из его жизни, весьма примечательное. Но все из прошлого.

– Да, все правильно, так и было, – сказал Дэниэл Уэбстер. – Но чего мне ждать в будущем? Гость ухмыльнулся довольно-таки радостно и покачал головой.

– Будущее не такое, как вы думаете, – сказал он. – Мрачное. У вас большие планы, мистер Уэбстер.

– Да, большие, – твердо ответил Дэниэл, потому что все знали, как ему хочется стать президентом.

– До цели, кажется, рукой подать, – говорит гость, – но вы ее не добьетесь. Люди помельче будут президентами, а вас обойдут.

– Пусть обойдут – я все равно буду Дэниэлом Уэбстером, – сказал Дэниэл. – Дальше.

– У вас два могучих сына, – говорит гость, качая головой. – Вы желаете основать род. Но оба погибнут на войне, не успев прославиться.

– Живые или мертвые – они все равно мои сыновья, – молвил Дэниэл. – Дальше.

– Вы произносили великие речи, – говорит гость. – И будете произносить еще.

– Ага, – сказал Дэниэл.

– Но ваша последняя великая речь восстановит против вас многих соратников. Вас будут звать Ихаводом и еще по-всякому. Даже в Новой Англии будут говорить, что вы перевертень и продали родину, – и голоса эти будут громко слышны до самой вашей смерти.

– Была бы речь честная, а что люди скажут – неважно, – отвечал Дэниэл Уэбстер. Потом он посмотрел на незнакомца, и их взгляды встретились. – Один вопрос, – сказал он. – Я бился за Союз всю жизнь. Увижу я победу над теми, кто хочет растащить его на части?

– При жизни – нет, – угрюмо сказал гость, – но победа будет за вами. И после вашей смерти тысячи будут сражаться за ваше дело – благодаря вашим речам.

– Ну коли так, долговязый, плоскобрюхий, узкорылый ворожей-залогоимец, – закричал Дэниэл Уэбстер с громовым смехом, – убирайся восвояси, пока я тебя не отметил! Потому что, клянусь тринадцатю первоколониями, я в самую преисподнюю сойду, чтобы спасти Союз!

И с этими словами он нацелился дать гостю такого пинка, что лошадь бы на ногах не устояла. Он только носком башмака достал гостя, но тот так и вылетел в дверь со шкатулкой под мышкой.

– А теперь, – сказал Дэниэл Уэбстер, видя, что Йавис Стоун понемногу приходит в себя, – посмотрим, что осталось в кувшине; всю ночь толковать – у любого глотка пересохнет. Надеюсь, сосед Стоун, у вас найдется кусок пирога на завтрак?

Но и сегодня, говорят, когда дьяволу случается проезжать мимо Топкого луга, он дает большого крюку. А в штате Нью-Гэмпшир его не видели с той поры и поныне. Про Вермонт и Массачусетс не скажу.

Дэниел Уэбстер и морская змея²

Так уж вышло, что однажды летним днем Дэнл Уэбстер и кое-кто из его друзей отправились рыбачить. Дело было во времена зенита его власти и славы, когда вопрос состоял не в том, будет ли он президентом, а в том, когда он им будет, и все депо Кингстона вставало, когда Дэнл Уэбстер прибывал занять свои вагоны. Но он, хотя и был госсекретарем и первым человеком в Новой Англии, все равно оставался прежним Дэнлом Уэбстером. Ром он покупал самолично и на розлив у полковника Севера в Кингстоне, аккуратно под вывеской «Товары из Англии и Вест-Индии», и всегда находил время, чтобы хоть как-нибудь да подсобить другу. А что до его большой фермы в Маршфилде³ – та у него была светом в окошке. Любимых лошадей он хоронил со всеми почестями, не снимая, как говорится, с них подков, на частном кладбище, сочинял им эпитафии на латыни, и от него часто слышали, что у его большого быка венгерской породы, Святого Стивена, в одном только заднем копыте больше ума, чем у многих политиков. Но если он и любил что-нибудь больше самого Маршфилда, так это море и вообще воды вокруг него, ибо он был прирожденный рыбак.

В тот раз он рыбачил в соленых водах на «Комете» так далеко от суши, что ее и видно не было. День выдался в самый раз для рыбалки, не слишком туманный, но и не слишком ясный, и Дэнл Уэбстер радовался ему, как радовался всему, что есть в жизни, кроме разве что когда слушал речи Генри Клея. Он выкроил с полдюжины дней, чтобы съездить в Маршфилд, а в отдыхе он нуждался, ведь годом раньше мы чуть было не ввязались в войну с Англией, и теперь он старался довести до ума надежный, склепанный медью договор, чтобы сгладить разногласия, из-за которых наши две страны все еще оставались недружественными. А это была та еще работенка даже для Дэнла Уэбстера. Но едва ступив на борт «Комета», он сразу стал беспечным и душевным. Вокруг него собрались верные друзья, и он не позволил бы сказать на судне ни слова о политике – впрочем, в тот раз это правило нарушили, и не без причины, как вы вскоре сами поймете. А когда ему попалась первая треска и он почувал, что рыба заглотила наживку, то медленно расплылся в широкой улыбке и объявил: «Джентльмены, вот оно – истинное утешение». Таким уж человеком он был.

Не знаю, сколько всего народу собралось не борту, полдюжины или вроде того – в самый раз для теплой компании. Скажем, были там Джордж Блейк, и Руфус Чоут, и юный Питер Харви, и парнишка по имени Джим Биллингс. И конечно, был Сет Питерсон, капитан судна Дэнла, в красной фланелевой рубашке – воплощение Новой Англии, прямо как треска и морские сливы, верный друг Дэнла Уэбстера. Дэнл, так уж вышло, был госсекретарем, а Сет Питерсон, так уж вышло, – капитаном судна, но в отношениях между ними это ничего не меняло. И как только «Комет» отчалил от пристани, заправлять всем стал Сет Питерсон, как и полагается капитану.

Так вот, рыбачили они все утро, прервались ненадолго, чтобы перекусить, кто-то курнул сигару и вздремнул, кто-то нет, во всяком случае, день перевалил за середину, и все были вроде как устроены удобно и довольны. Они все еще рыбачили и удачно, но знали, что уже через час с небольшим им предстоит двинуться домой с отличным уловом. Вот разговоров и прибавилось, чего Сет Питерсон не одобрил бы ранее, может, рассказывали даже анекдоты или какие-нибудь байки. Я-то не знаю, но всем известно, как оно бывает, когда мужчины соберутся под конец хорошего дня. Но о деле все равно никто не забывал, и, если не ошибаюсь, первым кое-что заметил Джордж Блейк.

² © Перевод. У. Сапцина, 2023.

³ В рассказе «Дьявол и Дэниел Уэбстер» название фермы переведено как «Топкий луг». В обоих рассказах речь идет об одной и той же ферме. – *Примеч. ред.*

– Дэнл, – тяжело дыша, позвал он, – мне тут попало что-то такое, что тянет за леску, как лошадка моргановской породы.

– Ну, так выдерни его! – откликнулся Дэнл и вдруг аж в лице переменялся: у него самого леса натянулась, как струна. – Джордж, моя взяла: за мою леску тянет будто пара молодых бычков!

– Стравите ее, мистер Уэбстер! – кричит тут Сет Питерсон, что Дэнл и сделал. Но при этом леска начала убегать так быстро, что дымилась, ударяясь о воду, и разрезала бы до костей руки любому, кто придерживал ее, кроме Дэнла Уэбстера. Не видно было и то, куда она уходит, только ясно, что Нечто глубоко в воде тащит ее, как кошка тащит нитку, разматывая клубок. Жилы на руках Дэнла Уэбстера вздулись, как канаты. Он вываживал рыбу и вываживал, сражался с ней, пользуясь всеми приемами, какие только знал. И невысокие волны все так же поплескивали, и остальные глазели на схватку, а он все так и не мог вытащить Нечто вовремя.

– Клянусь большим вязом из Маршфилда! – наконец воскликнул он с разгоревшимся смуглым лицом и рыбацким самолюбием в глазах. – Я что, поймал на крючок фрегат под всеми парусами? Я вытравил целую милю⁴ своей особой лески, а ее все равно тянет, будто десятью бешеными лошадьми. Джентльмены, что это?

Он договорить не успел, как прочная леска лопнула со звуком мушкетного выстрела, и из глубин океана на расстоянии мили восстало существо, исполненное величия. Соседушки, вот это была картина! Вытряхнув крючок из пасти, она восстала, морская змея из Священного Писания, в точности такая, как сказано в благой книге, – с жуткой мордой, длинным-длинным телом, изгибающимся и бьющимся в бурлящем море. Восстав, она издала протяжный и низкий меланхоличный вой, подобный гудку заплутавшего парохода, и когда она его издала, тот парнишка, юный Джим Биллингс, рухнул на палубу без чувств. Но никто этого даже не заметил – все выпученными глазами таращились на морскую змею.

Даже Дэнл Уэбстер был потрясен. Он быстро провел ладонью по лбу и бросил вопрошающий взгляд на флягу с ромом возле люка.

– Джентльмены, – негромко произнес он, – свидетельство, наглядное свидетельство, выглядит неопровержимо. Однако, говоря как юрист...

– Ох и голосище у нее! Не думал, что увижу ее снова! – рявкает тут Сет Питерсон, чуть не спятив при виде того, как морская змея баламутит воду. – Ох и голосище, клянусь Книгой Бытия! Эх, мне бы сейчас гарпун!

– Тише, Сет, – сказал Дэнл Уэбстер. – Давайте лучше вознесем благодарность за то, что нам позволено увидеть это великолепное и невероятное зрелище.

И вот тогда-то и проявилось истинное величие этого человека, ибо не успел он договорить, как морская змея поплыла напрямик к «Комету». Она неслась, как железнодорожный состав, и на целый акр⁵ позади нее бурлил кильватер. Вместе с тем было в ней что-то кокетливое, можно сказать, она приближалась, играя юбками и вскидывая голову. Не знаю, что в ней такое ясно давало понять, что она женского полу, но в этом никто даже не сомневался.

Она мчалась прямо, как пуля, и вскоре можно уже было пересчитать белые зубы, сверкающие у нее в пасти. Не знаю, что делали остальные, хотя, несомненно, кое-кто поспешно возносил молитвы, а Дэнл Уэбстер стоял лицом к ней, темнобровый, с глазами дремлющего льва, и отвечал на пристальный взгляд взглядом в упор. Да, был момент, когда она высоко подняла голову над водой и они посмотрели друг другу в глаза. Говорят, глаза у нее были красноваты, но недурны. А потом, когда змея уже, казалось, вот-вот врежется прямо в «Комет», она вдруг описала широкий круг и вернулась. Три раза она огибала судно, издавая тоскливые крики, а «Комет» так и подбрасывало на волнах, точно пробку. Но Дэнл Уэбстер твердо стоял на ногах,

⁴ 1 миля равна 1,6 км. – *Примеч. ред.*

⁵ 1 акр равен 4047 кв. м. – *Примеч. ред.*

ухватившись одной рукой за мачту, и устремлял взгляд на змею все время, пока представлялась возможность. Наконец, делая третий оборот, она протяжно взвыла в последний раз, словно двадцать туманных ревунов разом, едва не оглушив всех, и нырнула туда, откуда явилась, – в бездонные глубины моря.

Но даже после того как волны улеглись, некоторое время никто не издавал ни звука. Пока наконец не заговорил Сет Питерсон:

– Ну что, мистер Уэбстер, похоже, убралась... – и он сухо усмехнулся.

– Левиафан из Священного Писания! Дайте мне перо и бумагу, – распорядился Дэнл Уэбстер. – Мы должны записать и засвидетельствовать это.

И тогда все заговорили разом.

Так вот, написал он отчет о том, что они видели, совершенно неприукрашенный и правдивый. И все под ним подписались. Потом он перечитал им написанное вслух. И тут снова наступило молчание, пока все они переглядывались.

Наконец Сет Питерсон медленно и задумчиво покачал головой.

– Так не годится, Дэнл, – гулким голосом сказал он.

– Не годится? – спросил Дэнл Уэбстер, и у него вспыхнули глаза. – Ты о чем это, Сет?

– Да о том, что так попросту не годится, Дэнл, – заявил Сет Питерсон почтительно, но твердо. – Судите сами, джентльмены, – продолжал он, повернувшись к остальным. – Допустим, возвращаясь я домой и объявляю, что видел морскую змею. И все скажут: «Ох уж этот старый враль Сет Питерсон!» А если то же самое говорит Дэнл Уэбстер – неужели не видите разницы? – Он помолчал немного, но никто не проронил ни слова. – Ну а я вижу, – сам ответил он и медленно, растягивая каждое слово пояснил: – Дэнл Уэбстер... госсекретарь... видит морскую змею и говорит с ней... у Плимутской бухты. Да это угробило бы его напрочь! Мне-то все равно, а вот Дэнл Уэбстер – другое дело. Вы стали бы голосовать за кандидата в президенты, который заявляет, что видел морскую змею? Так стали бы или нет? И хоть кто-нибудь стал бы?

После еще одной краткой паузы заговорил Джордж Блейк.

– Сет прав, Дэнл, – сказал он, и остальные согласно закивали. – Дай-ка мне эту бумагу. – Он забрал у Дэнла Уэбстера листок с записями и бросил его в море. – Вот теперь, – твердо продолжил он, – я видел треску. И ничего, кроме трески. И разве что парочки камбал. А кто-нибудь из вас, джентльмены, видел что-либо еще?

И тут выяснилось, само собой, что никто на борту ничего не видел за весь день, кроме трески. На этом и повернули к берегу. Но все же всю дорогу до самой гавани все они то и дело оглядывались через плечо.

Однако Дэнл Уэбстер был не очень доволен тем вечером, несмотря на свой прекрасный улов. Ибо он как-никак видел морскую змею и не просто видел, но и вываживал ее на леске двадцать семь минут по его золотым часам с репетиром и, будучи рыбаком, был бы не прочь порассказать об этом. Но Сет прав: в этом случае люди сочтут, что он малость не в себе, а то и похуже. Эти мысли отвлекали его от лорда Ашбертона и договора с Англией до тех пор, пока он не оттолкнул бумаги на письменном столе.

– Чума на эту тварь! – слегка рассердившись, воскликнул он. – Оставлю ее в покое, надеюсь, и она оставит меня, – и он, взяв свечу, ушел спать. Но когда уже засыпал, ему показалось, что со стороны устья реки Грин-Харбор, до которого было две мили, послышался протяжный и низкий вой.

На следующую ночь вой повторился, а на третий день в кингстонской газете появилась заметка об установке правительством нового ревуна на скалах Рокки-Ледж. В общем, эта история начинала действовать Дэнлу Уэбстеру на нервы, а когда его раздражали, запасов его терпения надолго не хватало. Мало того, эти звуки тревожили скот – по крайней мере, на это сетовал его управляющий, – и на третью ночь его мышастая любимица вышибла половину досок из двери своего денника. «Эта морская змея становится чертовски надоедливой, – думал Дэнл

Уэбстер. – Я должен защитить свою собственность». И вот на четвертую ночь он оделся, как делал, когда шел охотиться на уток, взял любимый дробовик по прозвищу Ученый Селден и отправился к засидке в устье реки Грин-Харбор, посмотреть, что оттуда видно. О своих намерениях он не сообщил никому, потому что воспринимал всю эту ситуацию вроде как щекотливую.

Так вот, а луна в ту ночь была прекрасная, и в самом деле около одиннадцати показалась морская змея, вскинулась из океана единой непрерывной волной, будто гигантский садовый шланг. Зрелищем она была изрядным, вся в мерцании лунного света, но Дэнл Уэбстер не смог оценить его по достоинству. И она, приближаясь к засидке, подняла голову, устремила скорбный взгляд в сторону Маршфилда и издала протяжный и низкий проникновенный гудок стосковавшегося по дому поезда.

Дэнлу Уэбстеру ничуть не хотелось так поступать, но не мог же он допустить, чтобы какая-то морская змея обитала в реке Грин-Харбор и пугала скот, не говоря уже о всеобщем переполохе и панике, которые неизбежно поднялись бы в округе, если бы о змее стало известно. И он вскинул Ученого Селдена и для начала дал залп из обоих стволов чуть выше ее головы. И как только раздался выстрел, морская змея испустила визг, слышный на милю вокруг, и бросилась обратно в открытое море. Если раньше она передвигалась быстро, то теперь уподобилась молнии и чуть ли не мгновенно превратилась в черную полосу, едва различимую на горизонте.

Дэнл Уэбстер вышел из засидки и вытер лоб. Он сожалел о содеянном и вместе с тем ощущал облегчение. Ему казалось, что после такого перепуга она не вернется, а он хотел оставить все в лучшем виде, прежде чем уедет следующим утром в Вашингтон. Но на другой день, сообщая Сету Питерсону о том, как поступил, он уже не чувствовал недавней радости.

– Напрасно вы это сделали, мистер Уэбстер, – отозвался Сет Питерсон, качая головой, и больше не добавил ничего, только невнятно пробормотал: – Саманти всегда была особенно тверда в своих пристрастиях.

Но Дэнл не обратил внимания на его последние слова, хотя и вспомнил о них позже, и впервые за время их длительного знакомства довольно резко обошелся с Сетом. Так что Сет замкнулся, как моллюск в раковине, а Дэнл отбыл на поезде в Вашингтон.

Там на него сразу навалились дела, так как назревал договор с британцами, и не прошло и двадцати четырех часов, как он напрочь забыл о морской змее. Или так ему казалось. Но три дня спустя, направляясь пешком к своему дому на Лафайет-сквер вместе с одним из друзей-сенаторов по вечерней прохладе, он услышал любопытный звук. Исходил он со стороны реки Потомак.

– Должно быть, у ночного рейса на Балтимор новый гудок, – заметил сенатор. – Да еще такой шумный.

– Да это просто лягушки-быки у берега, – уверенно возразил Дэнл Уэбстер.

Но он-то знал, что это, и у него упало сердце. Однако никто бы не назвал Дэнла Уэбстера трусом. И он, едва отделившись от сенатора, направился к берегу Потомака. Да, все верно, это была морская змея.

Вид у нее был слегка усталый, и немудрено, ведь она приплыла из самой Плимутской бухты. Но едва завидев Дэнла Уэбстера, она вытянула шею и издала протяжный и низкий любовный вой. Тут-то Дэнл и понял, в чем беда, и впервые в жизни не знал, как быть. Но он прихватил с собой в бумажном свертке пару икрыных селедок на всякий случай, поэтому скормил их змее, и она взвыла ласково и благодарно. И он направился обратно к дому, склонив голову. В ту же самую ночь он отправил особой экспресс-почтой письмо Сету Питерсону в Маршфилд, ибо, как ему казалось, Сету известно больше, чем он дает понять.

Что ж, Сет прибыл в Вашингтон настолько быстро, насколько смогли доставить его вагоны, и уже в вечер прибытия Дэнл отправил его потолковать со змеей. Но когда Сет вернулся, по его лицу Дэнл понял, что заметных успехов его товарищ не добился.

– Вам удалось поговорить с ней, Сет? – с нетерпением спросил Дэнл. – Она понимает язык Соединенных Штатов?

– О, все она прекрасно понимает, – ответил Сет. – Даже освоила несколько слов. Они всегда были смышленными, эта семья змеев из Рок-Ледж, а она в ней старая дева и самая образованная из всех. Беда с ними лишь в том, что они жуткие забулдыги на свой лад.

– Надо было вам меня предупредить, Сет, – с оттенком упрека заметил Дэнл Уэбстер, и Сет смутился.

– Ну, сказать по правде, – начал он, – я думал, их никого и в живых-то нет. И уж точно помыслить не мог, что она так поведет себя, ведь ее отец был настолько почтенным змеем, какие только встречаются в жизни. Ее отец...

– К чертям ее отца! – прервал Дэнл Уэбстер и стиснул зубы. – Рассказывайте, что она говорит.

– Знаете, мистер Уэбстер, – Сет упорно смотрел на свои ботинки, – она говорит, что вы весьма красивый мужчина. Говорит, что никогда не видела таких, как вы, – продолжал он. – Не хочется передавать вам такое, мистер Уэбстер, я вроде как в ответе, но, по-моему, вам следует знать. И как я говорил, не стоило вам стрелять в нее – она этим очень гордится. Говорит, что понимает именно то, что вы имели в виду. Ну во всяких там конфузах я не силен, мистер Уэбстер, но, признаться, она меня сконфузила. Видите ли, она ведь прожила старой девой лет сто пятьдесят, если не ошибаюсь, вот в чем самая беда. И поскольку в здешних водах у нее не осталось сородичей, ее некому образумить – отец-то ее с матерью были рассудительными, трудолюбивыми змеями, не гнушались и отбуксировать в туман давнего знакомого, но вы же знаете, как это бывает в старинных семьях. Словом, она говорит, что последует за вами, куда бы вы ни отправились, и заявляет, что желает послушать вашу речь перед Верховным судом...

– А вы сообщили ей, что я женат? – перебил Дэнл. – Это вы ей сказали?

– Да, сказал, – подтвердил Сет, и стало видно, что лоб у него в испарине. – Но она говорит, что это ничего не значит, ведь она змея, а это совсем другое дело, и насчет переезда все уже решено. Говорит, что климат в Вашингтоне чудесный, а она наслышана о местных балах и дипломатических приемах. Не знаю, откуда она о них знает, но знает, – он сглотнул. – Я взял с нее обещание вести себя тихо две недели и не всплывать над Потомаком в дневное время, а ведь она собиралась поступить именно так, потому что желает познакомиться с президентом. Хотя бы это обещание я сумел с нее взять. Но она все равно говорит: если вы раз за вечер не соберетесь проведать ее, она будет выть, пока вы не придете, и просила передать вам, что настоящего воя вы еще и не слыхивали. Так что, как только откроется рыбный рынок, лучше я сбегаю и куплю бочку вяленой трески, мистер Уэбстер, – любит она вяленую и ест ее обычно бочками. В общем, не хочу вас тревожить, мистер Уэбстер, но, боюсь, мы попали в передрыгу.

– В передрыгу! – воскликнул Дэнл Уэбстер. – В самую серьезную за всю мою жизнь!

– В некотором смысле это, пожалуй, комплимент, – сказал Сет Питерсон, – но...

– Она говорит что-то еще? – тяжело вздохнув, спросил Дэнл Уэбстер.

– Да, мистер Уэбстер. – Сет Питерсон потупился, уставившись на свои ботинки. – Говорит, что вы немного застенчивы. Но, по ее словам, в мужчине ей это нравится.

В ту ночь Дэнл Уэбстер лег в постель, но не уснул. Он все напрягал и напрягал свой могучий мозг, пока от натуги чуть не истерлись его шестеренки, но так и не смог придумать, как отделаться от морской змеи. А перед самым рассветом услышал единственный протяжный и низкий вой, преданный и ностальгический, донесшийся со стороны Потомака.

Да, следующие две недели выдалась для него определенно тяжкими. Ибо с каждым днем морская змея проявляла все больше и больше нетерпения и упрямства. Ей хотелось, чтобы он называл ее Саманти, от чего он отказывался, она то и дело спрашивала, когда он представит ее в светском обществе, в итоге ему пришлось кормить ее итальянскими сардинами в оливковом масле, чтобы заставить замолчать. Мало того что его счет на рыбном рынке неуклонно рос, о

чем ему не хотелось даже думать, так она еще и постоянно грозила всплыть на Потомаке в дневное время. В довершение всего с великим договором Уэбстера – Ашбертона, которому предстояло прославить его на посту госсекретаря, произошла заминка, и Англия, похоже, не проявляла никакой готовности признавать притязания Америки. Ох, какие же это были утомительные и беспокойные две недели!

В последний день этих двух недель Дэнл Уэбстер сидел у себя в кабинете и не знал, как быть. Ибо лорд Ашбертон прибывал к нему на тайное совещание в девять вечера, а в десять ему предстояло проведать морскую змею, и как сделать, чтобы оба остались довольны, он понятия не имел. Устало посмотрев на бумаги, устилающие письменный стол, он позвонил, призывая секретаря.

– Донесения с корвета «Бенджамин Франклин»... – сказал он. – Это следует отправить в Министерство военно-морских сил, мистер Джонс. – Затем Дэнл Уэбстер еще раз взглянул на донесения от флота, и его глаза вспыхнули, как топки. – Клянусь костями левиафана, я его нашел! – воскликнул он. – Где моя шляпа, мистер Джонс? Я должен немедленно увидеться с президентом!

В тот вечер атмосфера дома на Лафайет-сквер была совсем иной, ибо Дэнл Уэбстер вновь стал самим собой. Он поделился с Сетом Питерсоном анекдотом, взял бокал мадеры и посмотрел его на свет. А когда доложили о прибытии лорда Ашбертона, приятного, седовласого пожилого джентльмена, впрочем, несколько скованного в движениях, Дэнл Уэбстер принял его с поистине королевской обходительностью.

– Рад видеть, что вы так восстановили силы, мистер Уэбстер, – заметил лорд Ашбертон после обмена приветствиями. – Однако, боюсь, я принес вам неприятные вести. Касательно пунктов шесть и семь предложенного договора между правительством Ее Величества и Соединенными Штатами Америки считаю своим долгом заявить...

– Милорд, давайте ненадолго оставим в покое пункты и взглянем на дело шире, – с улыбкой предложил Дэнл Уэбстер. – Речь идет о будущем благоденствии и мире двух великих стран. Ваше правительство настаивает на праве подвергать наши суда досмотру, в каком праве мы отказываем. И наша позиция представляется вам абсурдной. Разве не так?

– Я бы воздержался от употребления слова «абсурдный», – с осторожностью отозвался лорд Ашбертон, – однако...

– Однако, – подхватил Дэнл Уэбстер, подаваясь вперед, – существует то, что может показаться абсурдным, вместе с тем не являясь таковым. Позвольте мне изложить некоторые доводы. Допустим, Великобритания располагает сильнейшим флотом из всех находящихся на плаву.

– Британия правит морями, – благородно улыбнулся лорд Ашбертон.

– В тысяча восемьсот двенадцатом году ситуация была немного иной, – отметил Дэнл Уэбстер, – но не будем об этом. Позвольте спросить вас, лорд Ашбертон, и спросить со всей серьезностью: на что способна сила и мощь, имеющаяся в распоряжении британского флота, против левиафана?

– Левиафана? – довольно холодно переспросил лорд Ашбертон. – Безусловно, мне понятна эта отсылка к Библии, но...

– Морского змея, – несколько раздраженно уточнил Дэнл Уэбстер. – Что мог бы противопоставить весь британский флот морскому змею из Священного Писания?

Лорд Ашбертон воззрился на собеседника так, словно тот лишился рассудка.

– Господи, помилуй мою душу, мистер госсекретарь! – воскликнул он. – Но я не улавливаю сути вашего вопроса. Морского змея не существует!

– Стало быть, его, то есть ее, не существует? – спокойно спросил Дэнл Уэбстер. – А если предположить, что я докажу вам обратное?

– Право, ей-богу! Господи, спаси и помилуй! – Лорд Ашбертон казался слегка обескураженным. – Естественно... в таком случае... однако... но даже если...

Дэнл Уэбстер позвонил в колокольчик, который держал на письменном столе.

– Лорд Ашбертон, – довольно-таки официально начал он, – я вверяю вам свою жизнь и то, что ценю еще дороже, то есть свою честь и репутацию. Тем не менее я считаю это необходимым для лучшего взаимопонимания между двумя нашими странами.

В комнату вошел Сет Питерсон, Дэнл кивнул ему:

– Сет, лорд Ашбертон идет с нами проведать Саманти.

– Как скажете, мистер Уэбстер, – ответил Сет Питерсон, – но ему придется помогать нести сардины.

– Право, ей-богу! Господи, помилуй! Чрезвычайно странный процесс! – высказался лорд Ашбертон, но проследовал с ними.

Итак, вышли они втроем на берег Потомака, а когда были на месте, Сет свистнул. Саманти лежала большей частью в воде, за кустистым островком, но едва услышав свист, начала подниматься из воды и разворачивать свитое кольцами тело, вся сверкая в лунном свете. Зрелище было, что называется, впечатляющее. Дэнл Уэбстер взглянул на лорда Ашбертона, но у того, видимо, слова застряли в горле.

Наконец он вновь обрел дар речи:

– Спаси и помилуй! Вы, американцы, невероятны! Оно живое?

И тут ему осталось лишь вытаращить глаза, ибо Саманти подняла голову и издала низкий дружеский вой, принимаясь плавать кругами у островка.

– Так это морская змея или нет? – с оттенком сдержанной гордости осведомился Дэнл Уэбстер.

– Несомненно, – ответил лорд Ашбертон, уставившись на нее в монокль. – Несомненно, – и он слегка прокашлялся. – Это действительно и в самом деле морская змея. А я сплю в постели у себя в комнате в британском посольстве, – он ущипнул себя. – Ой! Нет, не сплю.

– Вы назвали бы ее размеры значительными – для морской змеи? – допытывался Дэнл Уэбстер.

Лорд Ашбертон снова уставился на змею в монокль.

– Весьма, – согласился он. – О да, весьма, весьма!

– А ее саму – могучей?

– Да, я должен признать это, – откликнулся лорд Ашбертон слабым голосом, а тем временем змея все плавала и плавала вокруг островка, и волны, которые она поднимала, разбивались о берег. – Да, в самом деле, это чрезвычайно могучая разрушительная сила. Можно узнать, чем она питается?

– Предпочтительно итальянскими сардинами, – сообщил Дэнл. – Но не суть важно. – Он испустил глубокий вздох. – Итак, милорд, мы намерены подготовить морскую змею в качестве регулярного и признанного военного судна в составе флота США. Ну и где в таком случае ваши «деревянные стены»?⁶

Будучи дипломатом, лорд Ашбертон не переменился в лице, пристально посмотрев сначала на морскую змею, потом в лицо Дэнлу Уэбстеру. Но спустя некоторое время он кивнул.

– Вам нет нужды вдаваться в подробности, мистер госсекретарь, – сказал он. – Уверен, мое правительство охотно пересмотрит свою позицию по последним двум пунктам и праву на досмотр.

– В таком случае, я уверен, мы достигнем соглашения, – отозвался Дэнл Уэбстер и вытер пот со лба. – А теперь покормим Саманти.

⁶ Иносказательно «английский флот». – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

Он сам издал для нее свист, протяжный и мелодичный, и она подплыла к берегу, петляя и выскакивая из воды. Понадобились усилия всех троих, чтобы поднять перед ней бочку с сардинами, и она одним махом проглотила ее содержимое. После этого она издала вой благодарности и признательности, а лорд Ашбертон присел на берегу и взял понюшку табаку. Он сказал, что ему необходимо прочистить голову.

– Естественно, – заговорил он немного погодя, – правительству Ее Величества понадобятся достаточные гарантии в примерном поведении этой... этой леди, – он намеревался сказать «твари», но как раз в этот момент Саманти выкатила глаз в его сторону, и он изменил первоначальное намерение.

– Вы их получите, – заверил Дэнл Уэбстер и свистом подозвал Саманти еще ближе. Она подплыла, кокетливо и жеманно свиваясь кольцами, и лорд Ашбертон на минуту закрыл глаза. Но когда Дэнл Уэбстер заговорил, его голос зазвучал точно так же, как в тех случаях, когда, заслышав его, умолкал весь сенат. – Саманти, – сказал он, – сейчас я обращаюсь к вам в качестве госсекретаря Соединенных Штатов Америки.

Это был тот самый голос, который оглашал Верховный суд и отвечал Хейну, и даже морской змее пришлось почтительно выслушать его. Ибо голос был проникновенным и звучным, и он рисовал картину ранних лет Саманти как беспечной юной змеи, играющей со сверстниками, а затем суровую жизнь в труде и лишениях, когда она осиротела и осталась одинокой, так что даже Сет Питерсон и лорд Ашбертон осознали всю скорбь и трагедию ее горькой участи. А потом в самой мягкой и дружеской манере, какой только можно пожелать, он разъяснил Саманти, в чем состоит ее долг.

– Ибо если вы так и будете выть в Потوماке, Саманти, – говорил он, – то станете представлять общественную опасность, в том числе для навигации, и ваше дело вынесут на рассмотрение сенатской комиссии рек и гаваней. Вас выволокут на сушу, Саманти, и отправят в Смитсоновский институт; там вас поместят в затхлый тесный прудик, и дети по воскресеньям будут приходить и швырять в вас арахисом, а их няньки – тыкать в вас зонтиками, если им покажется, что вы ведете себя недостаточно живо. Флот США на учениях будет стрелять по вам, как по мишени, Саманти, ученые – исследовать вас, дамы из Лиги безупречного поведения свяжут вам купальный костюм, и конгрессмены, профессора, визитеры и иностранные знаменитости станут досаждают вам каждую минуту до тех пор, пока вы не сможете назвать принадлежащей вам даже собственную чешую. О да, это будет слава, Саманти, но отнюдь не лучшая. Поверьте мне, я кое-что знаю о славе, и в том числе о письмах с мольбами от незнакомцев, о визитах людей, которых не знаешь и знать не желаешь, о бремени, о том, как утомительно быть общественным деятелем, настолько, что сердце обливается кровью. Все это оставляет желать лучшего, Саманти; оно не заменит вам ни вольные воды, ни забавы морских глубин. Да, Саманти, видеть вас здесь, в Вашингтоне, удивительно, но не для этой жизни вы созданы, и я не вправе злоупотреблять вашим доверием. А теперь, – обратился он к Сету Питерсону, – что она говорит?

Сет Питерсон внимательно выслушал завывания.

– Говорит, что климат Вашингтона оказался не таким, как она полагала, а река Потомак – слишком теплой, что вредно для ее ишиаса. И сардинами она полностью пресытилась.

– А обо мне она что-нибудь говорит? – с беспокойством спросил Дэнл Уэбстер.

– Ну она говорит, – ответил Сет Питерсон, продолжая прислушиваться, – с вашего позволения, мистер Уэбстер, что человек вы, может, и великий, но как морской змей никуда не годитесь. Говорит, что вам даже длины не хватит, чтобы сворачиваться кольцами. Говорит... в общем, без обид, но, на ее взгляд, это была ошибка с обеих сторон. – Он снова прислушался. – Но она говорит кое-что еще, – добавил он. – Что если обретать признание и мужа, то лучше уж она возьмет этого лорда Ашбертона. Говорит, что с виду он неказист, но мог бы представить ее ко двору.

Лицо Дэнла озарило ослепительное сияние, голос прозвучал подобно раскату грома.

– Она получит и то, и другое, – объявил он. – Идите сюда, Саманти. В силу полномочий, возложенных на меня как на госсекретаря, и по особому распоряжению президента Соединенных Штатов и министра военно-морских сил как свидетеля от приданной комиссии, согласно бланку, в который я сейчас вписываю ваше имя, сим я прикрепляю вас к флоту Соединенных Штатов в звании сорокачетырехпушечного фрегата на особом задании с полагающимся ему по рангу контр-адмиральским флагом и салютом из соответствующего числа орудий при каждом вхождении в американские воды. Кроме того, в силу следующего особого распоряжения сим я приказываю вам отбыть в южную часть Тихого океана, где курсировать до получения дальнейших распоряжений в целях поиска достойного и приличествующего супруга со всеми правами, привилегиями, обязанностями и преимуществами, относящимися к вышеуказанному поиску и вышеупомянутому американскому гражданству, как то вышеназванные и «Да здравствует Колумбия». Подписано Джоном Тайлером, президентом. К сему прилагается паспорт, подписанный Дэниелом Уэбстером, госсекретарем, предлагающий всем иностранным государствам обеспечить беспрепятственное прохождение американской гражданки Саманти Доу в связи с ее законными перемещениями и заданиями. – Он понизил голос и задумчиво добавил: – С американского корвета «Бенджамин Франклин» сообщили, что видели симпатичного молодого самца морского змея третьего февраля сего года у побережья Сандвичевых островов. У вышеупомянутого змея насчитывалось сорок два кольца, и когда его видели в последний раз, он на полной скорости держал курс зюйд-зюйд-вест.

Едва он договорил, как Саманти снова вскинула голову и издала последний протяжный вой. При этом она посмотрела на Дэнла Уэбстера, и в ее глазах читалось сожаление. Но это сожаление имело оттенок рвения и надежды.

Потом она взбила воду в пену, и прежде чем кто-либо успел заметить, как она удаляется, удалилась, оставив после себя лишь кильватерный след на озаренном луной Потомаке.

– Ну вот и все, – заключил Дэнл Уэбстер с легким зевком. – А теперь, лорд Ашбертон, если вы вернетесь ко мне, мы сможем составить текст договора.

– С радостью. – Лорд Ашбертон обмахнул сюртук носовым платком. – Она на самом деле уплыла? Ей-богу! Знаете, на мгновение мне померещилось, будто я и вправду видел морского змея. У вас поистине яркий дар изложения, мистер Уэбстер. Но я, пожалуй, теперь понимаю американскую позицию, благодаря... э-э... аналогии, которую вы соблаговолили провести между таким... э-э... невероятным существом и юной мощью вашей развивающейся страны.

– Я был убежден, что вы ее оцените, стоит только представить ее вашему вниманию, – ответил Дэнл Уэбстер. Однако он подмигнул одним глазом Сету Питерсону, и Сет Питерсон подмигнул в ответ.

Скажу в пользу Дэнла Уэбстера и еще кое-что: свои обещания он сдержал. Все время пребывания на посту госсекретаря он следил, чтобы для сорокачетырехпушечного фрегата «Саманти Доу» вели особый счет во флотских книгах. В сущности, кое-кто говорит, что ее счет ведется и сейчас и что это она подала Эриксону идею строительства «Монитора» во время Гражданской войны, если сама не была этим «Монитором». А когда во времена Тедди Рузвельта Великий белый флот совершал кругосветное плавание... ну был там один впередсмотрящий на марсовой площадке флагмана в тихую и спокойную ночь, пока они шли мимо пальмовых островов в южной части Тихого океана. Вдруг вода будто вскипела, бурная и фосфоресцирующая, и пара морских змей вместе с семью змеенышами спокойно и величественно трижды проплыла вокруг всего флота. Впередсмотрящий протер глаза и пригляделся, но нет, они ему не почудились. Ну, поскольку видел их лишь он один, за это его на следующее утро отправили в карцер. Но до самой смерти он клялся, что были они звезднополосатыми.

Якоб и индейцы⁷

История эта давних дней – да не обделит Господь всех, кто жил в то время, и потомство их.

Так вот, в те дни Америка, понимаете ли, была другой. Это была красивая страна, но если бы вы увидели ее сегодня, вы бы не поверили. Ни автобусов, ни поездов, ни штатов, ни президентов, ничего!

Ничего – только колонисты, да индейцы, да дикие леса по всей стране, да дикие звери в лесах. Вы представляете, какое место? Вы, дети, теперь об этом даже не задумываетесь; вы читаете об этом в учебниках – но что там напишут? А я заказываю разговор с моей дочерью в Калифорнии и через три минуты говорю: «Алло, Рози?» – и Рози мне отвечает и рассказывает о погоде, как будто мне интересно знать! Но так не всегда было. Я вспоминаю мою молодость – все было не так. А при дедушке моего дедушки опять-таки все было по-другому. Послушайте рассказ.

Дед моего деда был Якоб Штайн, и приехал он из Реттельсхайма, из Германии. В Филадельфию приехал – сирота, на парусном корабле, но человек непростой. Он был образованный человек – он учился в хедере⁸, он мог стать ученым из ученых. Но видите, как случается в нашем скверном мире? Чума, новый великий герцог – всегда что-нибудь не то. После он неохотно об этом рассказывал – зубы во рту они ему оставили, но рассказывал он неохотно. И зачем? Мы, дети диаспоры, когда приходит черный день, мы его узнаем.

И все-таки вообразите – молодой человек с красивыми мечтами и образованием, ученый юноша с бледным лицом и узкими плечами в те давние времена приезжает в такую новую страну. Ну он должен работать, и он работает. Образование – отличная вещь, но в рот его не положишь. Он должен носить за плечами мешок и ходить с ним от двери к двери. Это не позор; так начинали многие. Но он не толковал Закон и первое время очень скучал по дому. Ночами он сидел в комнате при одной свече и читал проповедника Коэлета⁹, покуда горечь проповедника не наполняла его рот. Лично я не сомневаюсь, что Коэлет великий проповедник, но имей он добрую жену, он был бы более веселым человеком. В те времена они держали слишком много жен – они запутывались. Но Якоб был молод.

Что касается новой страны, куда он приехал, то она представлялась ему землей изгнания, большой и пугающей. Он был рад тому, что сошел с корабля, – но на первых порах ничему больше. А когда он увидел на улице первого живого индейца – о, это было что-то невероятное! Но индеец, уже мирный, при помощи знаков купил у него ленту, и тогда ему стало легче. Тем не менее порой ему казалось, что лямки мешка врезаются в самую душу, и он тосковал по запаху хедера, по тихим улочкам Реттельсхайма, по копченой гусиной грудке, которую набожные хозяйки приберегают для ученого человека. Но к былому возврата нет, никогда нет возврата.

Тем не менее он был вежливый молодой человек и трудолюбивый. И вскоре ему улыбнулась удача – по крайней мере, так казалось вначале. Пустяки и безделушки в свой мешок он получал от Симона Эттельсона, и однажды он пришел к Симону Эттельсону, когда тот спорил с другом об одной тонкости Закона, потому что Симон был набожный человек и уважаемый в общине Миквей Исроэл. Сперва дедушка нашего дедушки почтительно стоял возле них – он пришел пополнить запасы в мешке и Симон был его работодатель. Но потом сердце его не стерпело, потому что и тот и другой ошибались, и он заговорил и сказал им, в чем они не

⁷ © Перевод. В. Гольшев, 2023.

⁸ Еврейская начальная религиозная школа.

⁹ Екклесиаста.

правы. Полчаса говорил он с мешком за плечами, и никогда еще текст не бывал истолкован так мудро, даже великим реб Самуилом. И под конец Симон Эттельсон воздел руки и назвал его молодым Давидом и светильником учености. А кроме того, отвел ему более выгодный торговый маршрут. Но самое лучшее – он пригласил юношу Якоба к себе в дом, и там Якоб хорошо поел впервые с тех пор, как прибыл в Филадельфию. А кроме того, он впервые увидел Мириам Эттельсон – и она была младшая дочь Симона Эттельсона и лилия долины.

После этого дела у Якоба пошли на поправку, ибо покровительство сильного подобно скале и колодцу. И все же шли они не вполне так, как ему хотелось. Потому что на первых порах Симон Эттельсон привечал его, и для ученого юноши, хотя он разносчик, была и фаршированная рыба, и изюмное вино. Но в глазах у человека бывает такое выражение, которое говорит: «Хм? Зять?» – и его Якоб не замечал. Он был скромн, он не рассчитывал завоевать девушку в два счета, хотя мечтал о ней. Но постепенно для него прояснилось, что он такое в доме Эттельсона, – ученый юноша, которого показывают друзьям, но не тот, кто может прокормиться своей ученостью. Он не упрекал в этом Симона, но хотелось ему совсем другого. Он стал сомневаться, что вообще сумеет укрепиться в мире, – а это никакому человеку не полезно.

Тем не менее он пережил бы и это, и боль и мучения любви, если бы не Мейер Каппельгейст. Вот это был предприимчивый человек! Ни о ком не хочу сказать плохого, даже о вашей тете Коре – пусть она оставит себе серебро Де Гроота, если сердце ей так велит; ляжешь спать с собакой – проснешься с блохами. Но этот Мейер Каппельгейст! Громадный краснолицый детина из Голландии, плечи в амбарную дверь не пройдут, и руки с рыжей шерстью. Громадный рот, чтобы есть и пить и рассказывать небылицы, а о голландских Каппельгейстах он говорил так, что можно подумать, все они из чистого золота. «Журавль говорит: «Я павлин – по матери, во всяком случае». А все же человек преуспевающий – этого не отнимешь. Тоже начал с мешка, как дедушка нашего дедушки, а теперь торговал с индейцами и только деньги успевал класть в карман. Якобу казалось, что он прийти не может к Эттельсону, чтобы не встретиться с Мейером и не услышать про этих индейцев. И сохли слова во рту у Якоба, и ком вставал в горле.

Едва только Якоб начинал толковать стих или притчу, он видел, что Мейер Каппельгейст смотрит на девушку. А когда Якоб заканчивал толкование и наступала тишина, Мейер Каппельгейст непременно благодарил его, но всегда таким тоном, который говорил: «Закон – это Закон, пророки – это пророки, мой маленький мудрец, но и первосортный бобер – это, между прочим, первосортный бобер». И не было Якобу удовольствия в его учености, и девушка не радовала его сердце. Он сидел молча и пылал, а Мейер рассказывал еще одну громкую историю об индейцах и шлепал себя по коленям. А в конце не забывал спросить Якоба, сколько иголок и булавок он сегодня продал; когда Якоб отвечал, он улыбался и ласково говорил, что все начинается с малого, – и девушка не могла сдержать легкой улыбки. Якоб ломал голову, пытаясь найти более интересную тему. Он рассказывал о войнах Маккавеев и славе Храма. Но и о них рассказывая, чувствовал, что все это далеко. В то время как Мейер с его проклятыми индейцами здесь; и глаза у девушки горят от его рассказов.

Наконец он собрался с духом и пошел к Симону Эттельсону. Для него это было нелегким делом – он был обучен биться над словами, а не с людьми. Но теперь ему казалось, что, куда бы он ни пришел, он слышит только об одном – о Мейере Каппельгейсте и его торговле с индейцами, и это сводило его с ума. И вот он пошел в магазин к Симону Эттельсону.

– Мне надоела мелочная торговля иголками и булавками, – говорит он без лишних слов.

Симон Эттельсон посмотрел на него пронзительно; он был честолюбивый человек, но он был человек добрый.

– Но, – сказал он, – у тебя хорошая маленькая торговля, и люди тебя любят. Сам я начал с меньшего. Чего бы ты хотел большего?

– Я бы хотел гораздо больше, – холодно ответил дедушка нашего дедушки. – Я бы хотел иметь жену и дом в этой новой стране. Но как мне содержать жену? На иголки и булавки?

– И такое бывало, – сказал Симон Эттельсон с легкой улыбкой. – Ты хороший парень, Якоб, и мы в тебе заинтересованы. Ну а если речь идет о женитьбе, есть много достойных девушек. Дочь есть у пекаря Ашера Леви. Правда, она немножко косит, но у нее золотое сердце. – Он сложил руки и улыбнулся.

– Я думаю не о дочери Леви, – опешив, сказал Якоб. Симон Эттельсон кивнул, и лицо его стало серьезным.

– Якоб, – сказал он. – Я понимаю, что у тебя на душе. Ты хороший парень, Якоб, и много учился. И будь это в старой стране – о чем речь? Но здесь одна моя дочь замужем за Сейхасом, а другая – за Да Сильвой. Это разница – ты должен понять. – И он улыбнулся улыбкой человека, весьма довольного своей жизнью.

– А если бы я был такой, как Мейер Каппельгейст? – с горечью спросил Якоб.

– Ну... это немножко другое дело, – рассудительно ответил Симон Эттельсон. – Ведь Мейер торгует с индейцами. Да, он грубоват. Но он умрет богатым человеком.

– Я тоже буду торговать с индейцами, – сказал Якоб и задрожал.

Симон Эттельсон посмотрел на него так, как будто он сошел с ума. Он посмотрел на его узкие плечи и руки книжника.

– Ну, Якоб, не надо глупостей, – успокоил его Симон. – Ты образованный юноша, ученый, тебе ли торговать с индейцами? Может быть, дела у тебя лучше пойдут в лавке. Я могу поговорить с Лароном Копрасом. И раньше или позже мы подыщем тебе подходящую девушку. Но торговать с индейцами... нет, тут нужно быть другим человеком. Предоставь это Мейеру Каппельгейсту.

– А вашу дочь, эту лилию долины? И ее предоставить Мейеру Каппельгейсту? – закричал Якоб.

Симон Эттельсон смутился.

– Но, Якоб, – сказал он. – Это ведь еще не решено...

– Я выйду против него, как Давид против Голиафа, – не помня себя, воскликнул дедушка нашего дедушки. – Я войду в дебри. И Бог рассудит, кто из нас достойнее!

Он швырнул на пол свой мешок и вышел из магазина. Симон Эттельсон окликнул его, но он не остановился. И не было у него желания искать сейчас девушку. На улице он пересчитал свои деньги. Денег было немного. Он собирался взять товар у Симона Эттельсона в кредит, но теперь это было невозможно. Он стоял на солнечной улице Филадельфии как человек, похоронивший надежду.

Однако он был упрям – и даже сам еще не знал, до какой степени. И хотя надежду он потерял, ноги принесли его к дому Рафаэля Санчеса.

Так вот, Рафаэль Санчес мог дважды купить и продать Симона Эттельсона. Надменный старик со свирепыми черными глазами и бородой белее снега. Он жил на отшибе в большом доме, с внучкой, говорили, что он весьма учен, но высокомерен, и еврей для него не еврей, если не происходит из чистых сефардов¹⁰.

Якоб видел его на собраниях общины Миквей Исроэл, и Якобу он казался похожим на орла, хищным, как орел. Но теперь, в минуту нужды, он постучался в дверь к этому человеку.

Открыл ему сам Рафаэль Санчес.

– И что же продается сегодня, разносчик? – сказал он, презрительно глядя на плечи Якоба, вытертые лямками.

– Продается мудрец Торы, – ответил Якоб в ожесточении, и говорил он не на языке, которому выучился в этой стране, а на древнем еврейском.

¹⁰ Евреи Испании, Португалии или их потомки.

Старик пристально посмотрел на него.

– Я получил отповедь, – сказал он. – Потому что ты знаешь язык. Входи, мой гость. – И Якоб дотронулся до мезузы¹¹ на косяке и вошел.

Он разделил полуденную трапезу с Рафаэлем Санчесом, сидя за его столом. Стол был из темного с пламенем красного дерева, и свет тонул в нем, как в пруду. В комнате стояло много ценных вещей, но Якобу было не до них. Когда они поели и прочли молитву, он открыл свою душу и заговорил, а Рафаэль Санчес слушал, поглаживая бороду одной рукой. Юноша умолк, и тогда он заговорил сам.

– Итак, ученый, – сказал он, но без насмешки, – ты переплыл океан, чтобы жить, а не умереть, и не видишь ничего, кроме девичьего лица?

– Разве Иаков не служил семь лет за Рахиль? – спросил дедушка нашего дедушки.

– Дважды семь, ученый, – сухо ответил Рафаэль Санчес, – но то было в блаженные дни. – Он опять погладил бороду. – Ты знаешь, зачем я приехал в эту страну?

– Нет, – сказал Якоб Штайн.

– Не ради торговли, – сказал Рафаэль Санчес. – Мой дом одалживал деньгами королей. Немножко рыбы, несколько шкурок – что они для моего дома? Нет – за обетованием, обетованием Пенна, – что эта страна должна стать домом и прибежищем не только для христиан. Да, мы знаем христианские обещания. Но до нынешнего дня они выполнялись. В тебя здесь плюют на улицах, мудрец Торы?

– Нет, – сказал Якоб. – Иногда меня называют жидом. Но квакеры, хотя и христиане, добрые.

– Не во всех странах так, – сказал Рафаэль Санчес с ужасной улыбкой.

– Да, – тихо ответил Якоб, – не во всех.

Старик кивнул.

– Да, такое не забываешь. Плевков стирается с одежды, но его не забываешь. Не забываешь о гонителе и гонимом. Вот почему в общине Миквей Исроэл меня считают сумасшедшим, когда я говорю что думаю. Смотри, – и он вынул из ящика карту, – вот что мы знаем об этих колониях, а здесь и здесь наш народ начинает новую жизнь в другой обстановке. Но здесь вот Новая Франция, видишь? – и по великой реке движутся французские купцы и их индейцы.

– И что? – озадаченно спросил Якоб.

– И что? – сказал Рафаэль Санчес. – Ты слепой? Я не верю королю Франции. Их прошлый король изгнал гугенотов, и кто знает, что сделает нынешний? А если они не пустят нас к великим рекам, мы никогда не попадем на Запад.

– Мы? – с недоумением переспросил Якоб.

– Мы, – подтвердил Рафаэль Санчес. Он хлопнул ладонью по карте. – О, в Европе они этого не понимают – даже их лорды в парламенте и государственные министры. Они думают, что это шахта и надо разрабатывать ее как шахту, как испанцы разрабатывали Потоси, но это не шахта. Это страна, проснувшаяся к жизни, и пока что безымянная и не открывшая лица. Нам суждено быть ее частью – и помни это в дебрях, мой юный мудрец Торы. Ты думаешь, что отправляешься туда ради девичьего лица, и это неплохо. Но ты там можешь найти то, чего не ожидал найти.

Он смолк, и теперь его глаза смотрели по-другому.

– Понимаешь, первый – всегда купец, – сказал он. – Всегда купец – раньше, чем поселенец. Христиане забудут это, и кое-кто из наших тоже. Но за землю Ханаанскую платят; платят кровью и потом.

Рафаэль Санчес сказал Якобу, что он ему поможет, и отпустил его; Якоб вернулся домой в свою комнату, и голова у него странно гудела. То ему казалось, что община Миквей Исроэл

¹¹ Коробка или трубка с заключенными в ней библейскими текстами, прикрепляемая к косяку при входе в дом.

правильно считает Рафаэля Санчеса полоумным. То он начинал думать, что слова старика – завеса и за нею движется и шевелится какой-то громадный неразгаданный образ. Но больше всего он думал о румяных щеках Мириам Эттельсон.

В первое торговое путешествие Якоб отправился с шотландцем Маккемпбелом. Странный был человек Маккемпбел – с угрюмым лицом, холодными голубыми глазами, но сильный и добродушный и большой молчун – покуда не начинал говорить о десяти пропавших коленах Израиля¹². У него было убеждение, что они-то и есть индейцы, живущие за Западными горами, – на эту тему он мог говорить бесконечно.

А вообще у них было много полезных разговоров: Маккемпбел цитировал доктрины рабби по имени Джон Кальвин, а дедушка нашего дедушки отвечал Талмудом и Торой, и Маккемпбел чуть не плакал оттого, что такой сладкогласный и ученый человек осужден на вечное проклятье. Однако обходился он с дедушкой нашего дедушки не как с обреченным на вечное проклятье, а как с человеком и тоже говорил о городах убежища как о чем-то насущном, потому что его народ тоже был гонимым.

Позади остался большой город, потом близлежащие городки, и скоро они оказались в дикой стране. Все было непривычно Якобу Штайну. Первое время он просыпался по ночам, лежал и слушал, и сердце у него стучало, и каждый шорох в лесу казался шагами дикого индейца, а каждый крик совы – боевым кличем. Но постепенно это прошло. Он стал замечать, как тихо движется могучий Кемпбел; он стал ему подражать. Он узнавал много такого, чего не знает в своей мудрости даже мудрец Торы, – как навьючить поклажу на лошадь, как развести костер, какова утренняя заря в лесу и каков вечер. Все было внове для него, и порой он думал, что умрет от этого, потому что плоть его слабела. Но он шел вперед.

Когда он увидел первых индейцев – в лесу, не в городе, – колени его застучали друг о дружку. Они были такие, какие снились ему в снах, и он вспомнил духа Аграт-Бат-Махлат и семьдесят восемь ее пляшущих демонов – потому что они были раскрашены и в шкурах. Но он не мог допустить, чтобы его колени стучали друг о дружку при язычниках и христианине, и первый страх прошел. Оказалось, что они очень серьезные люди, поначалу они держались очень церемонно и молчаливо, но когда молчание было сломано, сделались очень любопытными. Маккемпбела они знали, а его нет и стали обсуждать его и его наряд с детским простодушием, так что Якоб почувствовал себя голым перед ними, но уже не боялся. Один показал на мешочек, висевший у Якоба на шее, – в этом мешочке Якоб для сохранности носил филактерии¹³, – тогда Маккемпбел что-то объяснил, и коричневая рука сразу опустилась, а индейцы о чем-то загудели между собой.

После Маккемпбел сказал, что они тоже носят мешочки из оленьей кожи, а в мешочках священные предметы, поэтому они решили, что он, наверное, человек непростой. Он удивился. И еще больше удивился, когда стал есть с ними оленье мясо у костра.

Мир, куда он попал, был зеленый и темный мир – темный от лесной тени, зеленый лесной зеленью. Сквозь него шли тропы и дорожки, еще не ставшие дорогами и шоссе, еще без пыли и запаха людских городов, с другим запахом и другого вида. Эти тропы Якоб старательно запоминал и рисовал на карте – таково было одно из распоряжений Рафаэля Санчеса. Работа была большая, трудная и, казалось, бесцельная; но что он обещал, то и делал. Они все углублялись и углублялись в лесную глубь, Якоб видел прозрачные речки и широкие поляны, не населенные никем, кроме оленей, и у него рождались новые мысли. Его родина Германия казалась ему теперь очень тесной и многолюдной; раньше он и представить себе не мог, что мир бывает таким просторным.

¹² В 722 г. до н. э. Израильское царство было захвачено ассирийцами, и его население, десять племен, угнано в плен. На этом следы их в истории теряются. Разные авторы отождествляли эти племена с народами Аравин, Афганистана, Индии, Британии, индейцами Северной Америки и т. д.

¹³ Кожаные коробочки с заключенными в них библейскими текстами. Во время молитвы их надевают на лоб и левую руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.